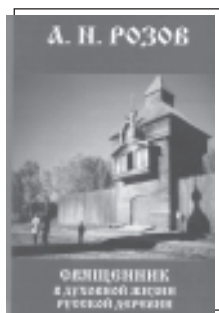

ры, а основной комплекс конституирующих культурных оппозиций — таких, например, как свое-чужое, человек-нечеловек — стягивается на ось противопоставления дома-дороги, в результате чего последнее обретает статус базовой дихотомии всей традиционной культуры.

Михаил Лурье

Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб.: Алетейя, 2003. 255 с.

Не секрет, что изучение различных аспектов религиозной жизни «народа» заняло заметное место в исследованиях последнего времени. Между тем при всем разнообразии поставленных проблем вопрос о роли приходского священника в жизни деревни оставался в стороне от специального анализа. Отдельные попытки обращения к данной теме только подчеркивали ее актуальность и демонстрировали давно назревшую необходимость ее детального изучения. Появление книги А.Н. Розова явилось, таким образом, долгожданным и своевременным откликом на насущную потребность в решении вопроса о месте священника в культурном и религиозном пространстве русской деревни.

По замыслу автора, книга посвящена исследованию «роли сельского пастыря в жизни русской деревни». Причем священник интересен А.Н. Розову прежде всего как хранитель нравственных основ православия, проводник христианства на местах и неутомимый борец за чистоту веры. Не случайно, конкретизируя задачи исследования, автор подчеркнет, что посвящает его изучению роли *истинного* пастыря. Между тем при поисках объективности от автора ускользает очевидная необходи-

мость — оговорить, чьи представления об истинном, идеальном его прежде всего интересуют. Возникшее в силу этого неразличение позиций в дальнейшем явилось причиной целого ряда подмен и некорректных выводов.

Безусловно сильной стороной работы является привлечение источников, еще не вошедших в широкий научный оборот. Прежде всего, это церковная публицистика (статьи и заметки из журналов «Руководство для сельских пастырей» и «Церковный вестник»), содержащая ценную информацию о крестьянской религиозности и о крестьянской культуре в целом.

Изучаемый период выбран формально — от года отмены крепостного права (1861) до года революции (1917), однако решение некоторых вопросов (в частности, о взаимоотношениях между священниками и помещиками) потребовало от автора привлечения источников более раннего времени. Делая акцент на изучение крестьянской культуры, автор нередко использует материалы по городской этнографии.

В первой главе — «Священник и его прихожане-крестьяне» — автор выделяет причины различного отношения к священнику / священническому сану (эти понятия смешиваются); перечисляет основные обязанности священников и те трудности, которые встречались в пастырском служении; отмечает особенности деревенских и городских приходов; приводит примеры «истинных пастырей»; обращает внимание на ряд факторов, влиявших на степень религиозности крестьян, и предлагает читателю избранный перечень «народных предрассудков» в крестьянском восприятии духовенства и церковной обрядности.

Одним из базовых положений, на которых А.Н. Розов строит свое описание приходских взаимоотношений, является тезис о существовании особой близости между священником и крестьянами. Хотелось бы, однако, заметить, что специфика изучаемого периода, определившая многое в приходской жизни и поэтому требующая особого внимания исследователей, заключается как раз в другом — в «культурном разрыве» между сельским духовенством и его прихожанами. «Новый» тип священников с их «просвещенным» взглядом на старые традиции и устои — яркое тому доказательство. Сельский священник — теперь все чаще и чаще образованный — приобретает иное видение тех крестьянских обычаев, которые его предки усваивали и разделяли с детства. Не случайно именно в пореформенной России критичный взгляд на «суеверия» и околоцерковные традиции стал распространяться среди рядового духовенства (вспомним, между прочим, полемику вокруг обходов). Впрочем, отсутствие размышлений на указанную тему вполне объяснимо: из предложенного списка причин межсословного взаимопонимания видно, что существованию «культурного» диалога автор не придает особого значения.

К сожалению, не предпринимается никаких попыток выделить и проанализировать черты «истинных» пастырей. Более того, предложенный перечень примеров из жизни «истинных» служителей Церкви (в который по неизвестным причинам попал сельский учитель) рождает правомерный вопрос: почему к столь замечательным священникам крестьяне относились по-разному? Одному иерею понадобилось прожить в селе двадцать пять лет, чтобы сблизиться с прихожанами, а другому — пройти через архиерейский суд, чтобы повысить свой авторитет. Не свидетельствует ли это о том, что священник, идеальный с точки зрения евангельских и церковно-учительских требований, мог не соответствовать крестьянским представлениям о «добром батюшке»? Чем, как не различными представлениями о норме, можно объяснить, почему «неидеальные» пастыри могли расположить к себе паству, а «идеальные» — не найти поддержки? Между тем автор книги как будто не разводит эти две точки зрения и априори церковные представления переносит на крестьянские. Единственным объяснением вариативности в отношении к духовенству служит ссылка на различную *глубину веры и степень религиозности* — стоит ли говорить, что аналитический потенциал подобных категорий весьма сомнителен (каковы единицы измерения? как быть с христианским самосознанием? и т. д.).

Раздел, посвященный особенностям восприятия православия, удивляет непоследовательностью автора в определении научной позиции. То он с уважением отзывается о точке зрения А.А. Панченко и склонен говорить о крестьянском понимании веры и альтернативных религиозных представлениях, то всерьез приводит примеры религиозной безграмотности, демонстрирующие живучесть языческих воззрений. Все представления крестьян, не соответствующие официальной версии, А.Н. Розов хрестоматийно относит к суевериям и толкует их как следствие религиозного невежества. Неканоничное объявляется языческим. Объяснение причин своеобразного крестьянского толкования тех или иных действий и обычаев автор, как правило, подменяет ссылкой на крестьянскую неосведомленность и разъяснением того, как «на самом деле» следует их понимать. Действительно же интересные и оригинальные идеи (в частности, по поводу восприятия духовенства) в дальнейшем, к сожалению, не развиваются. Так, А.Н. Розов отмечает, что в определенных обрядовых ситуациях священник мог восприниматься как материальное воплощение «Всевышней» силы и как прорицатель, провидец. Между тем практика обращения к священнику с просьбой отслужить молебен, отсутствующий в требнике, на наш взгляд, свидетельствует скорее о более широком толковании профессиональных возможностей священника, чем о суеверных представлениях, связанных с духовенством.

Во второй главе — «Взаимоотношения сельского священника и помещика» — автор ставит перед собой следующие задачи: рас-

смотреть и роль сельского священника в жизни русского барина, и роль помещика в церковной и внецерковной деятельности настоятеля храма. А.Н. Розов выделяет причины нерасположения дворян к духовенству, описывает этикет взаимоотношений помещика и священника, перечисляет основные контексты внецерковного общения. Раздел, призванный ознакомить читателя с «положительными» примерами взаимоотношений, по необъяснимым причинам оказывается переполнен примерами конфликтов. Между тем автор делает интересное наблюдение, которое требует, но не находит объяснений: ревностное отношение помещиков к церкви могло сочетаться с презрительным или даже деспотическим отношением к ее служителям.

Третья глава — «Фольклорно-этнографические элементы в русской проповеди для сельского населения второй половины XIX—начала XX века» — посвящена доказательству тезиса о расцвете проповедничества в изучаемый период, характеристике восприятия проповеди и тематическому обзору опубликованных проповедей.

По мнению автора, наличие большого числа печатных образцов и усиленное внимание к необходимости проповедничества со стороны епархиальных властей свидетельствуют о расцвете проповедничества в пореформенной России. Но может ли церковная политика по отношению к проповедничеству служить отражением тех настроений, которые разделяло приходское духовенство?

В главе приводятся очень интересные, подчас загадочные примеры неоднозначного отношения крестьян к проповеди, демонстрирующие такую вариативность, которая не может быть охарактеризована как «любовь» или «нелюбовь». Этот раздел, пожалуй, один из самых интригующих, поскольку содержит гораздо больше вопросов, чем ответов. К сожалению, высказанные автором ценные наблюдения (об особом внимании слушателей к непонятной проповеди, об особой значимости для крестьян самого процесса пастырского изречения) остаются без комментариев. Справедливым кажется замечание о необходимости учитывать влияние проповеди при изучении традиционной культуры.

Тематическому обзору проповеди посвящен отдельный раздел, по форме изложения напоминающий указатель. По существу перед читателем разворачивается картина этнографического содержания проповедей и примеров из священнических назиданий. По прочтении этого раздела сложно не согласиться с утверждением, что «*в поучениях содержится богатая информация о народных обычаях, обрядах, суевериях, приметах и предрасудках*» (С. 117). К сожалению, два других вывода этой главы не являются следствием, вытекающим из ее содержания.

Четвертая глава — «Рождественское и пасхальное христославление как виды праздничных обходов домов» — выделяется на

фоне других большим объемом, последовательностью и прозрачностью изложения, однако производит впечатление отдельного исследования, решающего свои вопросы и стоящего особняком от поставленных во введении задач. Вопрос о роли священника в календарной обрядовой жизни крестьян уходит на дальний план, уступая место общей характеристике двух календарных обрядов.

В первом разделе, посвященном рождественскому христославлению, А.Н. Розов ставит перед собой и в общем решает следующие задачи: охарактеризовать основные группы христославов, описать важнейших признаки (точнее — элементы) обряда, сравнить христославление, колядование и праздничные городские визиты, выделить этапы «в бытовании рождественского обхода домов». Автор не ограничивается изучением исключительно деревенской традиции христославления. Предложенная им классификация покрывает все разнообразие практик, существовавших как в деревенской, так и в городской культуре. Выделив три типа христославления, А.Н. Розов последовательно останавливается на характеристике каждого из них.

Признавая, что *«по крайней мере, с начала XVIII века <...> с одной стороны, рождественский обход — это благочестивый церковный обряд, с другой — источник дохода беднейшего сельского духовенства»* (С. 131), А.Н. Розов придает первому исконный и главный смысл, а второму — привнесенный, второстепенный, унижающий значение первого. На основании фактов пренебрежительного отношения духовенства к приходу и наличия «меркантильных интересов» со стороны священнослужителей в XIX в., А.Н. Розов делает вывод о потере в ряде губерний (каких — не уточняется) первоначального смысла обряда. Нам же кажется, что взгляд на обход как неразрывное сочетание благих намерений и «корыстных» интересов был бы более перспективным для изучения роли священника в календарной обрядности.

В разделе, посвященном пасхальному христославлению, А.Н. Розов конструирует некий инвариант обхода, максимально полно отражающий возможные детали обряда. Автор отдельно останавливается на подготовке к христославлению, сроках пасхального обхода, его участниках, последовательности (организации шествия), порядке хождения по приходу и судьбе пасхального славения. По мнению автора, пасхальные обходы, как и рождественские, со временем потеряли свой первоначальный смысл (истинно христианский) и превратились в «унизительный сбор подаяний». Значение христославления в жизни пореформенной деревни оценивается в терминах «вырождения» и «регресса». Гораздо интереснее другое наблюдение автора, — что пасхальный обход был тесно связан с хозяйственной деятельностью человека (опустим здесь замечание *«более чем другие внецерковные обряды»* (С. 191)).

В пятой главе — «Образ священника в русской литературе в оценке церковной критики» — А.Н. Розов рассматривает литературные произведения, в которых неперменным и положительным персонажем был священник, и церковную критику на эти произведения. Автора интересует *«трактовка роли священника в жизни крестьян писателями и церковной критикой»* (С. 192). Иными словами, речь идет о том, считали ли критики то или иное литературное произведение соответствующим действительности (а правильнее — их представлению о действительности), а литературный образ «идеального» священника — церковным представлениям об идеале.

По мнению А.Н. Розова, церковные критики умаляли способность светских писателей *«объективно изобразить жизнь духовенства»* и нередко отказывали писателю в правдоподобности созданного им положительного персонажа. Судя по всему, это значит, что автор признает: светская литература отражала лишь мировоззренческую позицию писателя, и представления об идеале могли не совпадать у представителей различных социальных групп. Но почему же тогда сам А.Н. Розов видит в литературе отражение действительности и готов привлекать художественные произведения как дополнительный и равноправный источник для изучения быта духовенства и приходской жизни в целом (что автор и демонстрирует в четвертой главе)? Представляется, что попытка «объективно» охарактеризовать «истинного» пастыря приводит автора к созданию образа сконструированного и надуманного.

В заключение хотелось бы высказать некоторые общие соображения, возникающие по прочтении книги «Священник в духовной жизни русской деревни».

Прежде всего, следует заметить, что симпатии к православию помешали автору твердо встать на научную, следовательно внешнюю и, по необходимости, критическую точку зрения. Этот существенный недостаток явился причиной целого ряда других, более или менее серьезных. В первую очередь это сказалось на обращении с источниками — их критика практически отсутствует. Нередко дистанция между исследователем и исследуемым объектом исчезает и обращение к мнению священника приобретает характер равноправного, «научного» диалога. Из объекта исследования священник превращается в коллегу, наделенного способностью критически оценивать ситуацию. Кроме того, сам А.Н. Розов, поддавшись обаянию проповеднической деятельности, постоянно сбивается на морализаторский тон. Отдельные части книги как будто мимикрируют под используемые источники, и отделить авторский текст от цитируемого иногда фактически не удается, чему немало способствует и использование «внутренней» терминологии.

Любовь к объекту исследования приводит также к тому, что книга излишне переполнена личными переживаниями. Обида и

боль за духовенство выражаются в попытках защитить священников от невежества прихожан, произвола властей и фантазий литераторов. Неслучайно констатация тех или иных «неверных» представлений сопровождается уличением крестьян в невежестве, и вместо объяснения причин появления и бытования подобных взглядов читателю предлагается «правильная» версия. В целом исследование не лишено идеологизированного подхода, который проявляется в религиозном пафосе и неуместной декларации основ благочестия.

Книге остро не хватает ссылок на исследовательскую литературу. Идеи, высказанные ранее учеными и суммированные А.Н. Розовым во введении, по большей части остаются за рамками собственно авторских разысканий. Предлагаемое читателю исследование оказывается как будто бы оторванным от предыдущего опыта. Между тем некоторые идеи, высказанные А.Н. Розовым, имеют свою историю и на сегодняшний день вряд ли могут быть охарактеризованы как современные.

Столь же остро книге не хватает анализа. Всесторонний разбор зачастую подменяется описанием, и нередко у читателя складывается впечатление, что материал призван говорить сам за себя. В приводимых примерах автор скуп на комментарии. К сожалению, примеры нередко выглядят гораздо богаче и интересней, чем те положения, которые они призваны проиллюстрировать. Выводы автора нередко тривиальны, хрестоматийны и полны пафоса. Зачастую они представляют собой общие формулировки, за кажущейся многозначностью которых скрывается отсутствие конкретного смысла.

Отдельно хотелось бы сказать о приводимых в книге цитатах. С одной стороны, многие из них кажутся неоправданными, лишними, иллюстрирующими общие положения, грешат высокопарностью и в целом усугубляют впечатление о публицистическом характере книги. С другой стороны, ощущается их явная нехватка — в тексте много скрытых цитат и выдержек из чьих-то поучений.

Существенным недостатком работы является обилие стилистических ошибок и неточных формулировок, затрудняющих понимание авторской мысли.

Суммируя все вышесказанное, можно признать, что многие вопросы, касающиеся роли сельского священника в приходской жизни, так и остались неразрешенными и еще ждут своего исследователя.

Вероника Макарова